

Лун Чи так спросила, и молодой военачальник на мгновение опешил, подумав: «Не может быть! Моей двоюродной сестре по отцу в этом году должно быть тридцать один!» Он отступил на два шага, внимательно разглядывая Нань Лицзю, размышляя, не владеет ли она искусством сохранения молодости? Потом вспомнил, что его двоюродная сестра погибла, защищая город, ещё три года назад, а теперь стала знаменитым на весь мир демоном-городом Нань Лицзю! К тому же его двоюродная сестра была культиватором, обладающим дао, поэтому и выглядела молодо. Он быстро сообразил, глубоко взглянул на Лун Чи и подумал: «Чуть не попался на твою удочку».

Нань Лицзю, слушая их разговор, снова захотелось кого-нибудь ударить, особенно это женьшеневое создание, которому уже тысяча лет, но которое выглядит как настоящий младенец. Старая! Говорит, что Фэн Девятнадцатый старый, а она ещё старше. Она заметила, что у этого маленького женьшеневого духа нет ни одной фразы, которая не ранила бы в самое сердце.

Фэн Девятнадцатый, очнувшись, скрестил руки в поклоне:

— Госпожа Лун Чи.

Лун Чи, наследная хозяйка Обители Женьшеневого Владыки с горы Великой Сосны, за спиной которой стояли первый в мире земной бессмертный и Секта Бессмертных Облаков.

Лун Чи тоже ответила поклоном. Она скосила взгляд на Нань Лицзю:

— Раз ты нашла родственников, к которым можно прибиться, мне больше не нужно о тебе заботиться, верно?

После уничтожения семьи, найдя родного деда, жизнь, наверное, будет не такой уж тяжёлой.

Нань Лицзю холодно произнесла:

— Как хочешь.

Лун Чи развернулась и пошла прочь.

Нань Лицзю ледяным тоном добавила:

— Но о своих деньгах можешь забыть.

Лун Чи тут же остановилась — несколько десятков лянов серебра! Она вернулась, расплывшись в улыбке:

— Старшая сестра, посмотри, клан Фэн с гор Циньлин, звучит так внушительно, правда? Раз уж ты нашла родственников, у тебя точно не будет недостатка в серебре.

Она указала на узелок на коленях у Нань Лицзю, а потом потянула за свой воротник, показывая свою рваную одежду.

Фэн Девятнадцатый стоял по стойке смирно, изо всех сил стараясь не пялиться. Он громко кашлянул, очень громко кашлянул, и скрестил руки в поклоне:

— Госпожа Лун Чи, вы не пожалели сил, чтобы проводить мою двоюродную сестру, пожалуйста, дайте нам возможность выразить вам благодарность.

Лун Чи отмахнулась:

— Не стоит!

И так получала по три взбучки в день, она что, мазохистка?

Фэн Девятнадцатый твёрдо проговорил:

— Щедрое вознаграждение.

Он по размеру узелка на ноге своей двоюродной сестры мог прикинуть, сколько там примерно серебра. Раньше он удивлялся, почему наследная хозяйка Обители Женьшеневого Владыки, у которой меньше всего должно быть проблем с деньгами, выглядит так... Но сейчас, глядя, как Лун Чи, дёргая свою рваную одежду, жалуется на бедность перед его двоюродной сестрой, он вдруг понял: в пути и героя может сломить нехватка одной монеты.

Лун Чи задумалась. Щедрое вознаграждение — это важно, но ещё нужно посмотреть на семью деда Нань Лицзю. Прибиться к деду, где есть дяди, тёти и прочие родственники, — это жизнь под чужим крылом, и она может оказаться нелёгкой. Вдруг Нань Лицзю будет там несладко, тогда ей придётся забрать её с собой в Сичжоу, чтобы не нарушить последнюю волю учителя. Она сказала:

— Тогда я вас побеспокою.

Фэн Девятнадцатый улыбнулся:

— Никакого беспокойства, абсолютно никакого.

Потом извинился:

— Я сейчас на дежурстве, не могу отлучиться...

Он запнулся и продолжил:

— Я сейчас пойду отпрошусь, подождите немного.

Сказав это, он скрестил руки в поклоне и поспешно удалился.

Лун Чи проводила взглядом удаляющегося Фэн Девятнадцатого, потом покосилась на Нань Лицзю:

— Это правда твой родственник? Двоюродный брат?

Нань Лицзю холодно бросила:

— Теперь ты можешь скинуть с себя эту обузу.

Лун Чи подумала, что Нань Лицзю ужасно фальшивая! Она явно не хотела, чтобы Лун Чи уходила, поэтому использовала деньги как предлог, чтобы вернуть её, а теперь ещё и язвит.

— Нань Лицзю, ты просто невыносима. Вечно язвишь, даже если бы ты не умерла, тебе бы точно не выйти замуж. Конечно, сейчас ты мертва и всё равно язвишь, так что тем более никто не захочет на тебе жениться, даже заключить с тобой загробный брак... Ай!

Лоб Лун Чи пронзила боль, она подпрыгнула, с грохотом выхватив меч, и запрыгала на месте:

— Нань Лицзю, веришь, я с тобой рассорюсь!

Нань Лицзю усмехнулась:

— Меч уже вытащен, разве это не ссора?

Раз уж меч вытащен, нельзя не восстановить свою честь!

Лун Чи замахнулась мечом и бросилась на Нань Лицзю. В результате снова потерпела поражение, и Нань Лицзю снова уложила её себе на колени и отлупила по заднице.

Лун Чи в ярости закричала:

— Нань Лицзю, воина можно убить, но нельзя унижать!

Фэн Девятнадцатый, вернувшись после отпроса, как раз увидел, как Нань Лицзю, связав Лун Чи, лупит её по заднице, уложив на колени. Сначала он остолбенел, потом опомнился, быстро огляделся и поспешил вырвать Лун Чи:

— Двоюродная сестра, двоюродная сестра, здесь... много народа.

Кто будет прилюдно лупить по заднице девушку, да ещё наследную хозяйку Обители Женьшеневого Владыки? Не боится ли она, что Старый бессмертный женьшень и Бессмертная госпожа Цуй примчатся сюда и устроят ей разборки? Зрителей уже собралось несколько слоёв.

Нань Лицзю отпустила Лун Чи, но не вернула ей меч. Из-за вмешательства Фэн Девятнадцатого маленький женьшеневый дух всё ещё прыгал. Она холодно пригрозила:

— Если будешь буяннить...

Она подняла Меч, разделяющий воды, сделав вид, что хочет его сломать.

Лун Чи тут же притихла. Она хотела сказать: «Это реликвия твоей матери, попробуй сломай её», — но знала, что если осмелится это высказать, Нань Лицзю со спокойной совестью заберёт

меч и больше не отдаст.

Итак, Лун Чи, только что прилюдно отлупанная по заднице, молча подошла катить коляску Нань Лицзю. Что касается стыда, он давно был потерян где-то на пути бегства, в одной из тех многочисленных взбучок.

Фэн Девятнадцатый сопровождал Нань Лицзю и Лун Чи в главную усадьбу клана Фэн, заранее отправив слугу на быстром коне доложить о их прибытии. Он неспешно шёл рядом с ними, рассказывая о положении в городе:

— В последние дни беженцев становится всё больше, все постоянные дворы переполнены, любое свободное место используют для размещения беженцев, цены на жильё растут, цены на зерно тоже постоянно поднимаются. Люди бегут, урожая нет, что они будут есть в следующем году? Всё придётся покупать!

Лун Чи с любопытством спросила:

— Ты же военный, а интересуешься такими вещами?

Фэн Девятнадцатый ответил:

— Защищая город, нужно хорошо знать обстановку в нём. К тому же, армия не двинется без провианта. С древних времён, ведя войско, первым делом нужно обеспечить его продовольствием.

На улице было полно народу, люди толкались плечом к плечу, среди них были и повозки, занимавшие дорогу.

Рядом с Фэн Девятнадцатым было больше десятка охранников, которые расчищали путь впереди и сзади, так что Лун Чи и Нань Лицзю не пришлось пробиваться сквозь толпу. Однако идти в сопровождении такой группы людей в доспехах клана Фэн тоже было очень заметно.

Лун Чи сначала подумала, что Фэн Девятнадцатый смог отпроситься в такое время усиленной охраны городских ворот из-за встречи со своей двоюродной сестрой, много лет считавшейся погибшей и потерянной. Но пройдя некоторое расстояние, она поняла, что дело не в этом. Нань Лицзю много лет одна защищала город Уван и не покидала его. К тому же, они только что представились по старшинству, что явно означало их первую встречу, так что о старых чувствах речи быть не могло. Если говорить о родственных связях, то двоюродная сестра — это всё же не так близко. Она посмотрела на Фэн Девятнадцатого: лично сопровождает, охранники расчищают путь, раньше при охране города был строг и беспристрастен, а теперь такой радушный — определённо что-то замышляет.

Лун Чи тут же внутренне поморщилась: «Тьфу, зачем пришёл сюда зря родственников искать, я же тебя и так прокормить могу».

* * *

[Примечание автора]

Лун Чи: Я тоже наследница знатного рода, аристократка.

Нань Лицзю (глядя на бедную наследницу, у которой даже одежды нет и которая часто бегаёт голой): Ха!

* * *

Город Циньчжоу был более процветающим и величественным, чем город Юньчжоу, и делился на внутреннюю и внешнюю части.

Во внешнем городе жили в основном купцы, простолюдины, мелкие торговцы и носильщики. Улицы хоть и были широкими, но дороги представляли собой ухабистые грунтовые или каменистые пути, с текущими повсюду грязными водами, многие даже выливали помой прямо на улицу. Коляска Нань Лицзю катилась, оставляя за собой след глубиной в полдюйма.

Ноги Лун Чи ступали по земле, и большой палец мог бы утонуть в пыли, а в местах со стоячей водой всё превращалось в грязь.

По сравнению с этим, хоть в городе Уван и была зловещая атмосфера, зато земля была вымощена каменными плитами, чисто, не было такой пыли и грязи.

В Циньчжоу здесь зелёные горы и прозрачные воды, воздух не сухой, но из-за отсутствия дождей улицы были сухими, а люди, ходившие по ним, превратили грунтовые дороги в пыль. Раньше проезжавшие повозки разрушали поверхность, обнажая землю, которая под солнцем превращалась в пыль.

Лун Чи была рада, что не потеет, иначе, как те грузчики и возчики рядом, она бы смешивала пот с пылью, создавая тёмные потоки, стекающие вниз, а исходящий запах был бы довольно резким, заставляя Лун Чи задерживать дыхание.

<http://bllate.org/book/15297/1351472>